

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 37.09:271.2+325.2:94(497.2)

РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В БОЛГАРИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА¹

Н. А. Усенко

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории

В статье представлена деятельность Русского Пастырско-Богословского училища в процессе консолидации русских беженцев в 1922–1945 гг. Как центр духовного образования русского зарубежья, училище способствовало адаптации русских эмигрантов к новым социокультурным условиям, сохранению национального самосознания. Исследование показывает, что педагогическая корпорация выходила за рамки учебного процесса и благодаря её активной культурно-просветительской деятельности сохранялось единство русской диаспоры в Болгарии.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, Болгария, Русская православная церковь за границей, Русское Пастырско-Богословское училище, архиепископ Дамиан (Говоров).

В 1920-е гг. за пределами советской России сформировался феномен, известный как «русское зарубежье». Русские диаспоры образовались в Западной и Центральной Европе, на Балканах и в Китае. Около 35 тыс. русских беженцев приняла Болгария².

Как отмечал один из известнейших эмигрантов той поры философ Н. А. Бердяев, «русской эмиграции при длительном пребывании вне родины грозило распыление, денационализация, потеря связи с Россией»³. Предотвращению «растворения» русских эмигрантов в инокультурной среде способствовала Русская православная церковь за границей, которая помогала покинувшему родину «ощутить себя единым русским народом»⁴. Поэтому даже в относительно благополучной обстановке возникал вопрос: как русской диаспоре взаимодействовать с местным населением?

Часть прибывших, в силу близости культурной и духовной среды, следовали логике обстоятельств и принимали болгарское подданство,

¹ Рецензент – докт. ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Тверского госуниверситета Т. Г. Леонтьева.

² Шкаровский М. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009. С. 55; Ионович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2006. С. 206.

³ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. Сентябрь. № 1 (переизд.: Путь. М., 1992. С. 4).

⁴ Там же. С. 4.

вступали в межэтнические браки и т. д.⁵ Однако большинство изгнанников считали скитания временным явлением, надеялись на реставрацию монархии в России и скорое возвращение. Стремясь не растерять «русскость» они сопротивлялись политике натурализации, проводимой болгарскими властями, создавали русские и русско-болгарские объединения и союзы, учебные заведения⁶, тесно сотрудничали с церковью.

П. Н. Милуков в капитальном труде «Очерки по истории русской культуры» причислил церковь и школу к основным факторам, формирующим культуру, а религию считал исконной чертой национальности⁷.

Однако в отечественной и зарубежной литературе история русских духовных учебных заведений в Болгарии представлена фрагментарно. В трудах М. В. Шкаровского, Е. Г. Осовского и В. А. Левкина они лишь упомянуты⁸. Роль личностного фактора в организации учебного процесса в Болгарии представлена в работах А. А. Кострюкова и Ю. Словачевского⁹. В болгарской историографии этот сюжет представлен по преимуществу применительно к гимназиям и школам¹⁰, а также при описании деятельности отдельных русских священнослужителей¹¹.

Между тем для анализа процесса адаптации и сохранения национального самосознания в среде русских эмигрантов представляется наиболее важным выявить роль духовных учебных заведений в консолидации русской эмиграции.

Примечательно, что в ожидании возвращения на Родину беженцы заботились об образовании и воспитании молодого поколения и устраивали собственные учебные заведения светского и религиозного профиля. В ре-

⁵ Ратиев А. То, что сохранила мне память. Мемуары. София, 1999. С. 579; Регионален Державен Архив – Пловдив (далее – РДА – Пловдив). Ф. 67 К. Оп. 6. А.е. 321. Л. 45.

⁶ РДА – Пловдив. Ф. 67 К. Оп. 6. А.е. 321. Л. 34, 35, 35 об., 39; Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы. М., 2008. С. 84.

⁷ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 12.

⁸ Шкаровский М. В. Указ. соч. 359 с.; Осовский Е. Г., Левкина В. А. Русская высшая школа и студенчество в эмиграции (20–40 е гг. XX в.) // Педагогика. 1999. № 4. С. 95–103.

⁹ Кострюков А. А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции // Московская духовная академия. Кафедра церковной истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history-mpda.orthodoxy.ru/index.php?>; Словачевский Ю. Зарубежная Россия. Архиепископ Царицынский и его время. Ч. 2 // Русская газета. 2005. № 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/caricin>.

¹⁰ Кёсева Ц. Указ. соч.; Солнцева-Накова Е. О расцвете русского учебного дела в конце 20-х гг. в Болгарии // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении. Белград, 2012. С. 90–92; Евлогий, еп. Учители белоэмигранты в Пловдивската духовна семинария // Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция. София, 2001. С. 375–378.

¹¹ Паралингов Э. Русские священники-эмигранты, служившие в Пловдивской епархии после 1920 года (по документам архива и библиотеки Пловдивской митрополии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 4 (21). С. 53–60.

зультате в начале 1920-х гг. в Болгарии создаётся сеть средних и средних специальных учебных заведений, где русские эмигранты вели активную педагогическую деятельность. При поддержке государства открылись шесть русских гимназий, детские и инвалидные дома, сельскохозяйственное и пять военных училищ, Пастырско-Богословское училище¹². Последнее было организовано в г. Станимаке¹³, неподалеку от Пловдива, усилиями русского архиерея, известного богослова епископа Дамиана (Говорова). Он обладал авторитетом среди зарубежного и болгарского духовенства и сыграл ключевую роль в становлении и развитии училища.

В данной статье речь пойдёт лишь об одном эпизоде истории русских духовных учебных заведений в Болгарии – о возникновении и деятельности Русского Пастырско-Богословского училища.

Исследование проводилось на основе комплекса законодательных и делопроизводственных документов, хранящихся в центральных и местных архивах России и Болгарии, и исторической публицистики: исторического очерка, написанного одним из выпускников училища, о. Борисом Ермаковым¹⁴.

Болгария, как и другие страны Балканского полуострова, в первой половине XX в. нуждалась в пополнении рядов духовенства, и образованные священнослужители из России высоко ценились. Покинувшие Россию иерархи также понимали, что одной из острых проблем русских приходов за границей и по возвращении в Россию вскоре станет нехватка настоятелей и рядовых священников¹⁵. Именно поэтому и для русского церковного зарубежья, и для Болгарии организация специальных богословских заведений стала насущной необходимостью.

До переезда в Болгарию в 1921 г. епископ Дамиан (Говоров) безуспешно пытался организовать училище в Константинополе¹⁶. После этого он вступил в переписку с болгарскими иерархами, где настойчиво обосновывал важность открытия в Болгарском Царстве Русского Пастырско-Богословского училища¹⁷.

Первоначально владыка предлагал разместить учебное заведение в одном из монастырей вблизи Софии, либо в построенных ещё до революции 1917 г. зданиях семинарии на Шипке, но наиболее подходящим оказался монастырь Св. Кирика и Иулитты в Пловдивской митрополии. В июне 1922 г. Священный Синод Болгарской церкви назначил епископа Дамиана духовным наставником и руководителем братии монастыря Св. Кирика и учеников священнического училища¹⁸. Здесь в сентябре 1923 г. и

¹² Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 56.

¹³ Ныне – Асеновград.

¹⁴ Ермаков Б., священник. Историческая записка о Пастырско-Богословском училище в монастыре Святого Кирика в Болгарии, 1922–1932 гг. София, 1932. С. 23.

¹⁵ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. С. 161.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 2; Словачевский Ю. Указ. соч.

¹⁷ Кострюков А. А. Указ. соч.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 13.

начался первый учебный год¹⁹. Впоследствии неоднократно предпринимались попытки перемещения училища на Шипку, но они не увенчались успехом²⁰.

Правовое и экономическое положение вновь образованного учебного заведения было двойственным на протяжении всего периода существования. Формально оно находилось в ведении Русской православной церкви за границей, так как создавалось по благословию Архиерейского Синода²¹. В первой половине XX в. училище являлось единственным центром воспроизводства духовенства для нужд России и Зарубежной церкви²². Вместе с тем Синод Болгарской церкви благословил открытие училища и разрешил аренду монастыря Св. Кирика²³. Таким образом в экономическом отношении оно считалось подотчетным Синоду Болгарской Церкви, а в церковно-административной и учебно-воспитательной сферах – Архиерейскому Синоду Русской зарубежной церкви²⁴.

Долгое время отношение к училищу в среде болгар и даже русской диаспоры было неоднозначным – от безусловной поддержки до отрицательных отзывов о нем. Сумятицу в умы вносили «приземлённые» вопросы, связанные с материальной базой училища. Крайняя бедность приводила к неупорядоченности учебного процесса, осложняла набор учащихся и обеспечение штата преподавателей²⁵. Так, в 1923–1924 учебном году из-за недостатка средств на бюджетное отделение первого курса не смогли принять шестнадцать человек. В начале 1930-х гг. из-за невозможности увеличения заработной платы из училища уволились два опытных преподавателя²⁶.

Первоначально в училище планировался четырёхгодичный курс. Однако продолжительность срока обучения менялась в зависимости от условий, в которых оказывалось училище. Например, по протоколу № 11 заседания педагогического совета училища (декабрь 1924 г.), было решено: «Принимая во внимание неопределённое положение нашего в беженстве, ускорить прохождение курса увеличением часов занятий после обеда и тем сократить учебный год»²⁷. Кроме того, отменялись летние каникулы для третьего курса. Архиерейский Синод Русской православной церкви за границей одобрил данное решение. В результате учебный год продлился до 12 октября и закончился выпуском десяти человек²⁸.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 96 об.

²⁰ Централен Державен Архив (далее – ЦДА). Ф. 166 К. Оп. 3. А. е. 172. Л. 1 об.; Ф. 166 К. Оп. 3. А. е. 210.

²¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 10.

²² ЦДА. Ф. 166 К. Оп. 3. А. е. 172. Л. 1 об.

²³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 14; РДА – Пловдив. Ф. 67 К. Оп. 4а. А. е. 12 Л. 32.

²⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 14; ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А. е. 34. Л. 926.

²⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 32, 114 об., 363.

²⁶ Там же. Л. 237, 350.

²⁷ Там же. Л. 142.

²⁸ Там же. Л. 144, 225.

Штат преподавателей училища в среднем составлял четыре-пять человек. Начальник училища епископ Дамиан вёл занятия по литургике, гомилетике, Священному Писанию Ветхого Завета и ряду других дисциплин.

При открытии училища в 1923 г. указом № 332 Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей кроме владыки Дамиана преподавателями были назначены Б. В. Остроумов (кандидат Казанской духовной академии) для преподавания церковной истории, философии, психологии; И. Н. Чаусов (кандидат Казанской духовной академии) для преподавания Священного Писания Нового Завета, догматического богословия; монах Василий (Белоус) для обучения иконописанию, архимандрит Кирилл (ожидавший канонического отпуска в Сербии) для преподавания Священного Писания Ветхого Завета и некто А. З. Яковлев для обучения церковному пению. Двое последних, однако, не смогли прибыть в Болгарию²⁹.

Дальнейшие изменения в педагогическом коллективе училища были связаны с расширением круга преподаваемых дисциплин.

Так, в штат вошел генерал-майор В. И. Лазаров, окончивший Военно-юридическую академию и юридический факультет Московского университета³⁰. Он преподавал церковное право и логику, позднее – психологию. Чтобы «ознакомить учащихся с приёмами и деятельностью пастыря-миссионера для борьбы с разными течениями антирелигиозного и антицерковного характера, направленного к разрушению жизни христианской», был введён ряд лекций миссионера М. А. Кальнева³¹. Он же некоторое время преподавал нравственное богословие и теорию пения. В списках преподавателей значится священник М. Шишкин, окончивший Софийскую Духовную Академию по историко-филологическому курсу³², священник Е. Череповский. Иногда с лекциями для учащихся выступали гости училища – епископ Берлинский Тихон, митрополит Сливенский Иларион и др.³³.

С 1925 г. на подготовительном отделении стали работать первые выпускники училища В. Роменский (Раменский) и о. Александр Головченко. Случалось, что к преподаванию на подготовительном и даже основном отделении привлекали учащихся старших курсов³⁴.

Порядок поступления в училище зависел от исходного образования абитуриента. Поступающие без среднего образования принимались на подготовительное отделение; окончившие 4 класса семинарии или полный курс гимназии – на первый курс без экзаменов. Лица, не получившие среднего образования, держали экзамен по Закону Божьему в объёме гимназического курса и писали сочинение. Исключение составил первый набор

²⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 72.

³⁰ Там же. Л. 180.

³¹ Там же. Л. 119.

³² Там же. Л. 307.

³³ *Словачевский Ю.* Указ. соч.

³⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 119 об., 227 об., 228, 307; ЦДА. Ф. 166 К. Оп. 3. А.е. 219. Л. 102.

учащихся – в 1923 г. все поступавшие имели дипломы средних учебных заведений и оказались зачисленными сразу на второй курс³⁵.

Учебная программа училища, которую составил сам епископ Дамиан, в целом соответствовала программам средних духовных учебных заведений дореволюционной России. На первом курсе изучали светские общеобразовательные предметы (гражданскую историю, русский язык и литературу), основы вероучительных предметов (изучение церковного устава и литургии, церковнославянский язык, церковное пение), историю Церкви (общую и русскую), курс по старообрядческому расколу. Всё это было важно не только для будущей деятельности учащихся, но и для формирования их «русскости».

Обучение в училище могло быть бесплатным и платным. Для тех, кто не владел русским языком (в основном это были болгары) плата была выше. Например, в 1923–1924 учебном году плата «за содержание и право учения» для не знающих русский язык составляла 600, для остальных – 500 левов³⁶. Известно, что некоторые ученики получали стипендии Епископа Германского и Сестричества Покрова Богородицы в Берлине³⁷.

В 1930 г. при училище были открыты богословско-педагогические летние курсы «для подготовки правоспособных кандидатов на законоучительские должности средних учебных заведений в России». Кроме педагогов училища на курсах вели занятия русские преподаватели Пловдивской духовной семинарии и болгарские учёные. Так, лекции по апологетике читал болгарин – профессор Софийской Академии архимандрит Евтимий³⁸.

Далеко не всем российским эмигрантам, желавшим получить духовное образование, удавалось поступить в училище. В связи с этим было организовано некое подобие заочного обучения: преподаватели училища рассылали тексты лекций по всей Болгарии, отправляли их в Сербию, Францию, Германию, Литву, США и даже Южную Америку³⁹. Остаётся, однако, неясным, признавалось ли такое обучение официально и выдавалось ли получателям лекций свидетельство об окончании Пастырско-Богословского училища.

Училище не только давало эмигрантам возможность получить духовное образование, но и осуществляло культурно-просветительскую деятельность. Сохранению русской национальной культуры в среде эмигрантов способствовало то, что здесь торжественно отмечались дни памяти великих русских святых и общеэмигрантские праздники. Так в 1930 г. в День русской культуры в училище отслужили Божественную Литургию и организовали концерт, где прозвучала торжественная речь «Русская культура в

³⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 107–113.

³⁶ Там же. Л. 151.

³⁷ Там же. Л. 329.

³⁸ Там же. Л. 310.

³⁹ Там же. Л. 328 об.; *Ермаков Б., священник*. Историческая записка о Пастырско-Богословском училище. С. 23.

изгнании» и доклады на сходные темы, а затем выступил училищный хор под управлением М. А. Кальнева⁴⁰.

Есть основания полагать, что поддержанию этнокультурного единства среди русских эмигрантов способствовали поездки преподавателей училища по Болгарии. В одном из докладов епископа Дамиана в Архиерейский Синод (1926 г.) сообщается, что он проехал «по местам Болгарии, где имеются колонии русских беженцев, везде со своим причтом и певчими совершал с благословения местных митрополитов литургии и вели беседы на современные темы»⁴¹. Это помогало русским беженцам избавиться, хотя бы на время, от чувства разрозненности, сохранять память о Родине и подпитывало их надежду на возвращение в Россию.

Как отмечал епископ Дамиан, в богослужениях и беседах принимали участие и болгарские священники и архиереи. Между тем известно, что у некоторых болгарских владык было негативное отношение к Пастырско-Богословскому училищу. Так, вскоре после его открытия болгарские митрополиты Максим и Борис отмечали, что «дело архиепископа Дамиана не может иметь успеха за отсутствием средств, преподавателей и книг»⁴². Справедливости ради надо отметить, что училище получало материальную и духовную поддержку от клира и мирян Болгарской церкви и от общественных организаций, куда входили русские и болгары⁴³.

В середине 1930-х гг. архиепископ Серафим (Соболев), глава русской церковной диаспоры в Болгарии, отмечал, что «Болгарский Синод и Правительство отрицательно относятся к этой школе и не раз заявляли, что эта школа Болгарской Церкви не нужна». Более того, Болгарский Синод запретил «посвящать окончивших пастырскую школу во священники для Болгарской Церкви»⁴⁴.

Слова епископа Серафима крайне важны для понимания статуса училища и его места в системе духовных учебных заведений в Болгарии, поэтому требуют особого комментария.

Изначально организаторы училища считали своей целью «пополнить, хотя в малой доле, убыль священства в России, когда откроются двери в неё»⁴⁵. Однако время возвращения на Родину всё время отодвигалось, и выпускники училища вынужденно устраивали свою жизнь в эмиграции. Пастырско-Богословское училище окончили примерно 50 человек, из них 25 (19 русских и 6 болгар) были рукоположены в священный сан⁴⁶. Кроме того, окончившие училище имели право на законоучительную должность в низших учебных заведениях и младших классах средних учебных заведе-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 288, 290.

⁴¹ Там же. Л. 240.

⁴² Там же. Д. 222. Л. 32.

⁴³ Там же. Л. 228, 151, 228, 329; РДА–Пловдив. Ф. 67 К. Оп. 4а. А. е. 12 Л. 1–4.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 363.

⁴⁵ Там же. Л. 328 об.

⁴⁶ ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А. е. 65. Л. 26, 26 об.; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 59.

ний и поступление по экзаменам в духовные академии⁴⁷. Но распространялись ли эти права на каноническую территорию Болгарского экзархата?

Перед первым выпуском начальник училища направил в Синод Болгарской Церкви просьбу «предоставить служебные права окончившим курс учения и исходатайствовать перед министерством оному училищу права державных среднеучебных заведений в пределах Болгарии»⁴⁸. Прошение отклонили, напомнив, что по уставу Болгарского экзархата приходскому священнику следовало быть болгарским подданным и членом Болгарской церкви. С данным аргументом приходилось считаться, поскольку при основании училища не оговаривался вопрос о служении его выпускников на территории Болгарии. Наконец, отмечалось, что даже для выпускников болгарских духовных училищ якобы не хватало мест в епархиях⁴⁹. Между тем документы свидетельствуют о дефиците настоятелей в сельских приходах Болгарского экзархата⁵⁰.

Болгарский Синод, разбирая в 1936 г. дело о рукоположении в священнический сан болгар, окончивших русское училище, косвенно указывал, что образование, полученное данным учебном заведении недостаточно для служения в болгарских приходах⁵¹.

Подобная ситуация ставила выпускников училища в сложное положение. Однако большинству из них удавалось вступить в должность временного священника и получить жалование второго разряда⁵². В начале 1930-х гг. в Софийской митрополии служили два выпускника училища, в Сливенской – четыре, в Пловдивской – восемь, по одному – в Варненской и Великотырновской митрополиях⁵³. Местные церковные власти положительно отзывались об их пастырской работе и нравственных качествах⁵⁴.

С чем же связано расхождение официальной позиции Болгарского Синода и реального положения выпускников училища? Вероятнее всего, причиной служила нехватка священников в сельских приходах, а также высокий духовно-нравственный уровень выпускников. Так, управляющий русскими православными общинами Константинопольского округа член комиссии по переводным экзаменам в 1923/24 учебном году архиепископ Анастасий, отмечал: «... Порядок жизни в школе почти монастырский, каждый день начинается службой в церкви, на которой присутствуют все учащиеся, вечером обязательно вечерня. Трапеза общая. Работы по уборке школы, по хозяйству монастыря исполняют учащиеся»⁵⁵.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 193, 195, 195 об.

⁴⁸ Там же. Л. 234.

⁴⁹ Там же. Л. 245–246.

⁵⁰ См.: РДА–Велико Тырново. Ф. 74. Оп. 1. Д. 280, 283, 291, 317, 319.

⁵¹ ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А.е. 65. Л. 26, 26 об.

⁵² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 328.

⁵³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 328; Регионален Державен Архив – Велико Тырново. Ф. 74 К. Оп. 1. Д. 319. Л. 65; Ф. 74 К. Оп. 1. Д. 321. Л. 59.

⁵⁴ РДА–Пловдив. Ф. 67 К. Оп. 6. А.е. 77. Л. 26, 26 об., 44, 44 об.; *Паралингов Э.* Указ. соч. С. 58–59.

⁵⁵ Там же. Л. 114.

Следует отметить, что некоторые выпускники училища не сразу принимали священный сан, а продолжали духовное образование в болгарских учебных заведениях (в основном на богословском факультете Софийского университета⁵⁶) и принимали болгарское подданство⁵⁷. Это, без сомнения, способствовало их успешной адаптации к инокультурной среде.

В 1936 г. архиепископ Дамиан (Говоров) умер, и в 1938 г. по инициативе Пловдивской митрополии Пастырско-Богословское училище закрыли. Однако в 1940 г. его выпускники решением Болгарского Синода были приравнены к окончившим болгарские духовные училища – Бачковское и Черепишское⁵⁸. Это решение возвысило их статус и улучшило материальное положение.

Итак, Пастырско-Богословское училище было важнейшим центром духовного образования в Русском Зарубежье. Обучение в нем помогало эмигрантам из России сохранять свою национальную идентичность. Кроме того, училище помогало поддерживать связи между разрозненными группами русских в Болгарии. В то же время деятельность начальника училища архиепископа Дамиана (Говорова), преподавателей и воспитанников способствовала адаптации русской диаспоры на чужбине – помогала установлению и поддержанию диалога между представителями Русской православной церкви за границей и Болгарского экзархата и в итоге позволила части эмигрантов найти своё место в новой социокультурной реальности.

Список литературы:

1. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2006.
2. *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы. М., 2008.
3. *Кострюков А. А.* Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции // Московская духовная академия. Кафедра церковной истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history-mpda.orthodoxy.ru/index.php?>
4. *Словачевский Ю.* Зарубежная Россия. Архиепископ Царицынский и его время. Ч. 2 // Русская газета. 2005. № 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/caricin>.
5. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3.
6. *Паралингов Э.* Русские священники-эмигранты, служившие в Пловдивской епархии после 1920 года (по документам архива и библиотеки Пловдивской митрополии) // Вест. Правосл. Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 4 (21).
7. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994.
8. *Шкаровский М.* История русской церковной эмиграции. СПб., 2009.

⁵⁶ ЦДА. Ф. 166 К. Оп. 3. А. е. 219. Л. 101, 101 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 791 К. Оп. 2. А. е. 11. Л. 97, 99.

⁵⁸ Там же. Ф. 791 К. Оп. 1. А. е. 65. Л. 43, 43 об.

RUSSIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN BULGARIA DURING THE SECOND QUARTER OF THE XX CENTURY

N. A. Usenko

The Tver State University, the Dept. of Russian History

The paper presents the activities of Russian Pastoral Theological School in the consolidation of Russian refugees in 1922-1945 gg. As a center of religious education of Russian abroad, school contributed to adaptation of Russian emigrants to the new sociocultural conditions, the conservation of national identity. Research shows that educational corporation went beyond the educational process and through its active cultural and educational activities the unity of the Russian diaspora in Bulgaria was maintained.

Keywords: *emigration, Russian abroad, Bulgaria, the Russian Orthodox Church Abroad, Russian Pastoral Theological School, Archbishop Damian (Govorov).*

Об авторе:

УСЕНКО Наталия Андреевна – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, магистр истории, специалист по учебно-методической работе, e-mail: TitovaNA.10.12@yandex.ru

About the authors:

USENKO Nataliya Andreevna – MA in History, a specialist in educational and methodical work, The Tver State University, the Dept. of Russian History (170100, Tver, Trekhsvyatsky str., 16/31), e-mail: TitovaNA.10.12@yandex.ru

References

- Iovanovich M. Russkaya emigratsiya na Balkanakh. 1920–1940. M., 2006.
- Keseva Ts. Bolgariya i russkaya emigratsiya, 1920–1950-e gody. M., 2008.
- Kostruykov A. A. Arkhiepiskop Tsaritsynskii Damian (Govorov) i ego prosvetitel'skaya deyatel'nost' v emigratsii // Moskovskaya dukhovnaya akademiya. Kafedra tserkovnoi istorii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: [http://history-mpda.orthodoxy.ru/index.php?Slovachevskii_Yu.Zarubezhnaya_Rossiya_Arkhiepiskop_Tsaritsynskii_i_ego_vremya.Ch.2//Russkaya_gazeta.2005.No17\[Elektronnyi_resurs\].Rezhim_dostupa:http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/caricin](http://history-mpda.orthodoxy.ru/index.php?Slovachevskii_Yu.Zarubezhnaya_Rossiya_Arkhiepiskop_Tsaritsynskii_i_ego_vremya.Ch.2//Russkaya_gazeta.2005.No17[Elektronnyi_resurs].Rezhim_dostupa:http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/caricin).
- Milyukov P. N. Ocherki po istorii russkoi kul'tury. M., 1995. T. 3.
- Paralingov E. Russkie svyashchenniki-emigranty, sluzhivshie v Plovdivskoi eparkhii posle 1920 goda (po dokumentam arkhiva i biblioteki Plovdivskoi mitropolii) // Vest. Pravosl. Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2006. Vyp. 4 (21).

Raev M. Rossiya za rubezhom. Istoriya kul'tury russkoi emigratsii, 1919–1939. M., 1994.

Shkarovskii M. Istoriya russkoi tserkovnoi emigratsii. SPb., 2009.

Статья поступила в редакцию 23.04.2013.